

Диалектика межпоколенческих отношений и социальное развитие

Поколение – это срок жизни людей от появления их на свет до того момента, когда они сами достигают репродуктивного возраста. С известной долей условности этот период можно определить в 20 лет (физиология корректирует его в сторону уменьшения, а исторические социокультурные нормативы иногда существенно увеличивают данный срок). Если столь же условно мы обозначим среднюю продолжительность жизни человека в 60 лет (± 10 лет, в зависимости от стандартов данной исторической эпохи), то получится, что всегда одновременно сосуществуют три поколения. Так оно, в общем-то, и есть: обычная семья вплоть до нашего времени состоит из трех поколений, и отец в то же время является сыном до тех пор, пока его сын сам не станет отцом.

Однако историческое лицо эпохи не определяется отношениями отцов и детей, оно определяется фактом со-временности дедов и внуков. Именно эти возрастные классы традиционно обладают своей культурно определенной физиономией, в то время как средний возраст размыт и не имеет таковой. С точки зрения логики это понятно: старший и младший возрасты суть пределы среднего, поэтому они должны быть четко оформлены в культуре. Противоположны друг другу «старики» и «молодежь»: эти понятия обозначают пределы взрослого, «собственно человеческого» возраста, его начало и конец. А сам средний возраст, взрослость как таковая неизбежно растекается, представляя не чем-то самостоятельным/самостным, а всего лишь переходом от юности к старости (само слово «взрослость», указывая на рост, движение, минимизирует всякую оформленность и определенность, подчеркивает это значение пути от одного к другому).

Почему так получается? Дело в том, что достижение биологической зрелости для человека еще не означает зрелости социальной; скорее, первая представляет собой точку отсчета для второй. Достигнув (условно) 20-летнего возраста, человек уже заканчивает свое биологическое взросление и только начинает взросление социальное. Что это значит? Из объекта социального действия человек становится его субъектом, из того, на кого воздействуют другие, он становится тем, кто сам воздействует на других. На протяжении десятков тысяч лет доклассового периода развития человечества степень доминации, уровень властных возможностей человека были прямо пропорциональны его возрасту: “старший” – это и “старый”, и “господин” одновременно. Позднее классовое деление, наложившись на возрастное, значительно трансформировало исторически сложившуюся систему разделения власти и собственности, однако не

отменило ее совсем: в семье любого социального статуса приоритет остается за старшими.

В юности (молодости) человек главным образом усваивает социальный опыт, собственно культуру старших, а в пожилом возрасте главным образом передает ее молодым; первую треть жизни он формируется, перенимая мировидение, мировоззрение, менталитет старшего поколения, а в последнюю треть он сам формирует картину мира молодежи, передавая ей то, что создал за свою взрослую жизнь. Однако взрослый возраст противоречив: стремясь занять место старшего поколения, приобрести то, чем располагают люди этого поколения (т.е., прежде всего, нераздельно связанные друг с другом власть и собственность), находящийся в нем естественным образом отрицает, отвергает социальные нормы и культурные установки последних – в этом и заключается вечный конфликт отцов и детей (точнее, детей и отцов). Поэтому тогда, когда он достигает желаемого и его поколение занимает, в силу естественных причин, место предыдущего, и когда он сам начинает «учить жизни» молодых, он неизбежно передает последним свое отрицание того, что олицетворяет для него предшественник – скажем условно, его отец. Но таким образом он формирует взгляды на жизнь не своего сына, ибо тот в данный момент занят тем же самым, чем до этого занимался он – т.е. борьбой со своим отцом за его место, роль и влияние в обществе, а своего внука, который как раз находится в возрасте усвоения опыта старших.

Это не значит, что процесс социального воспитания осуществляется дедами по отношению к внукам, а не отцами по отношению к сыновьям; дело в том, что отцы передают детям сразу две традиции восприятия окружающего – положительную и отрицательную, или, лучше сказать, органическую и критическую. Органическая традиция суть то, что человек воспринимает в начале своей жизни, когда он находится на иждивении старших и, в полной корреляции с этим, его отношение к миру неререфлексивно – он не противопоставляет себя ему (т.е. миру родителей), ибо никак не выделяется из него ввиду отсутствия материальной возможности самостоятельного существования. Критическая традиция – это, наоборот, воплощение отрицания мира (т.е. мира старших), неизбежная в возрасте обретения как материальной, так и, скажем, духовной самостоятельности. Первая традиция ментальна, вторая рефлексивна; в бессознательности первой живут коллективные представления, в осознанности второй находит место индивидуальная рефлексия.

Пока сын мал, он воспринимает от отца все то, что тот ему передает, не критически; он это просто усваивает как единственно возможное, ибо не противопоставляет себя отцу. Зато его отец в это время противопоставляет себя своему отцу, который для сына первого суть дед, а тот для него – внук, и это-то противопоставление и есть то, что бессознательно усваивает последний от своего отца. Но вот сын вырос и теперь тоже сознательно

противопоставляет себя отцу; это значит, что отцом стал он сам, а его отец стал дедом для его сына и своего внука. Дед теперь не противопоставляет себя отцу, ибо последнего уже нет в живых; зато его собственный сын, а нынешний отец, сознательно противопоставляет себя ему, и это-то и впитывает его внук. Деду нечего делить с внуком, и у них прекрасные отношения; вот когда последний вырастет, тогда и начнет реализовывать отношения со своим отцом по той модели, которую бессознательно усвоил в детстве. Деда в это время уже не будет в живых, и о нем будут оставаться только замечательные воспоминания.

Таким образом, ведя борьбу за главенство со своим отцом, человек готовит себе ту же участь в лице своего сына. Последний сознательно будет критиковать то, что усвоил от отца бессознательно, а бессознательно он усвоил ничто иное, как критику деда: классическое отрицание отрицания. Органическая традиция в этом смысле представляет собой критическую традицию отца, бессознательно усвоенную сыном, а критическая традиция, в свою очередь, является результатом сознательного подхода сына к органической традиции отца; дальше начинается то, что описано выше. Суть в том, что человек за время своей жизни успевает побыть и сыном, и отцом, и дедом, и внуком, и когда он принимает своего отца, он бывает внуком деда, а когда противопоставляет себя ему, то сам становится отцом, его отец – дедом, а сын – внуком. Эти отношения остаются неизменными, в то время как их носители все время сменяют друг друга.

Поэтому значимые трансформации социокультурного континуума, когда, так сказать, меняется лицо эпохи, происходят со сменой не одного поколения другим, а со сменой трех поколений четвертым: правнук уже никак не относится к прадеду и всему тому, что тот воплощает в своем лице - ни положительно, ни отрицательно, ибо они не встречаются (обычно) в реальном времени, и опыт одного не может быть непосредственно передан другому. Тут-то и наступает время перемен: так, когда умерли те, кто помнил до-петровскую Русь, началась эпоха Екатерины II, а когда ушли из жизни помнившие времена великой императрицы, Александр II приступил к своей модернизации России.